

СЕРИЯ КНИГ “ЧИТАЙ И СМОТРИ”

Николай Черкашин

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Панорама современного Севастополя

Фото на обложке: Памятник затопленным кораблям вблизи Приморского бульвара

Дорогой друг!

Книга, которую ты держишь в руках, - это сборник рассказов писателя-мариниста Николая Черкашина, посвященных городу русской славы - Севастополю, его героической истории и людям, эту историю творившим.

Среди русских городов, составляющих военную славу России, Севастополь занимает одно из первых мест. Севастополь родился как военно-морская база, и его судьба навсегда связана с Черноморским флотом. Из гаваней Севастополя уходили в походы военные корабли, сюда возвращались они с победой. Севастополь много раз становился местом ожесточенных сражений, в ходе которых часто решалась судьба России.

Душеполезного тебе чтения!

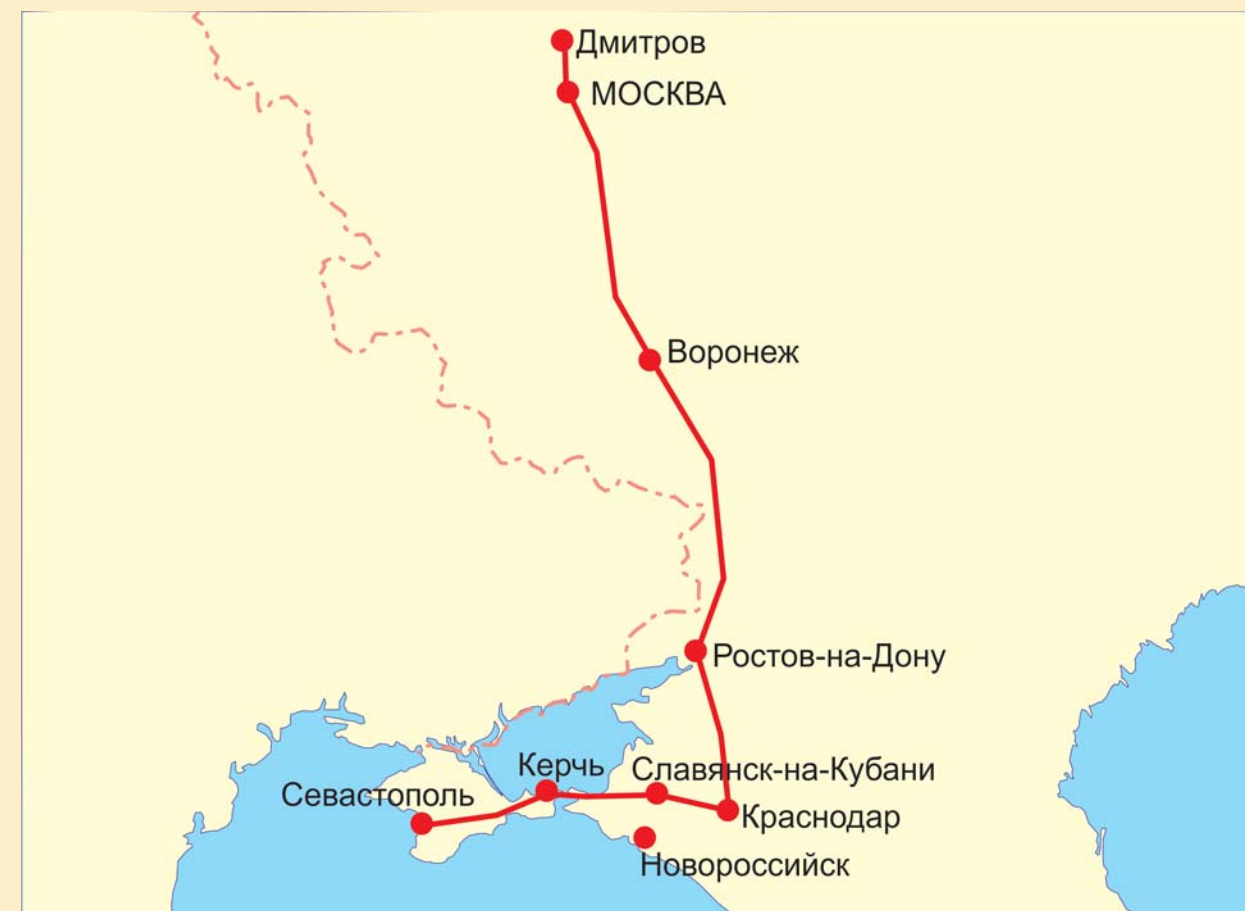
Dear friend!

The book you are holding is a collection of short stories by writer Nikolai Cherkashin, dedicated to the city of Russian glory - Sevastopol and its heroic history and people.

Sevastopol is one of the general Russian cities, forming military glory of Russia. Sevastopol was born as naval base, and his fate is forever connected with Black sea fleet. From the harbors of Sevastopol went warships to the military expeditions, over here returned they with the victory.

Sevastopol became many times the site of fierce battles, in which decided often the fate of Russia.

Have a nice reading.

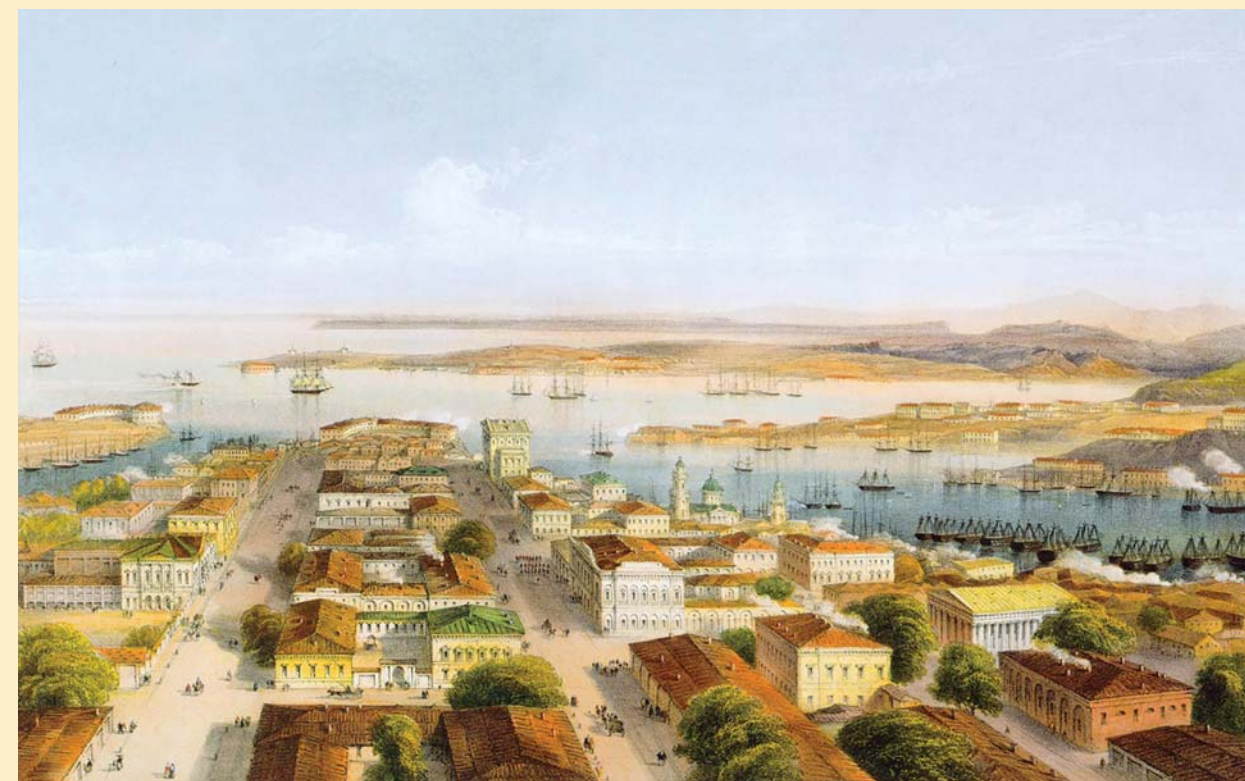
СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРЕ...

Севастополь по праву называют «талисманом России». Есть у России Севастополь – страна, как полк со знаменем, идет вперед и побеждает все невзгоды. Утратила Россия Севастополь, и нет российскому народу, как говорили в старину, талану. Вспомним недавние 90-е годы, когда по вине недальновидных нерадивых правителей страны Севастополь стал «иностранным городом». До сих пор в это трудно поверить, что над городом славы русских моряков без малого четверть века развеялись чужие стяги, а ВМС США приглядывались к севастиопольским бухтам для стоянки своих кораблей. И только логика истории, решимость севастиопольцев и политическая воля президента России исправили эту величайшую и обидную несправедливость. В 2014 году Севастополь вернулся в лоно государства, которое его породило и которое город-герой прославил за свои два с половиной века.

Сухая, как порох,
Святая, как прах,
Земля Севастополя
Славься в веках.

А кроме севастиопольской земли есть еще и севастиопольское море. Где оно? На каких картах? А вон оно — поднимись к Владимирскому собору да окинь взором пушистую синь морского горизонта, бухты в ожерельях кораблей... О, это море, голубое, как мечта юнги.

Русская эскадра на Севастопольском рейде. Художник И.К. Айвазовский, 1846 г.

Общий вид Севастополя. Художник К. Боссоли, 1856 г.

Севастиопольские бухты — плавильные котлы времени... Сколько сражений в них разыгралось, сколько кораблей ушло в ил их сумрачных глубин — хватит на иное географически полноценное море. А если собрать по севастиопольским квартирам все кораллы и раковины, то ими можно украсить иной тропический залив.

Севастиопольское море, раскаленное солнцем до голубого свечения; и эти скалы, выкрашенные временем в желтовато-ветхий цвет древности, и эти корабли, выкрашенные в цвет морского далека.

Одинокая колонна, осененная бронзой орлиных крыльев, белой свечой стоит посреди рукотворного островка. Орел взлетает с нее на север — навстречу питерскому Медному Всаднику, с руки которого взлетел и залетел сюда. Севастополь — детище Санкт-Петербурга. Град-отец передал ему в генах свои тайны, свой рок, свою судьбу; имена фортов и бастионов, моряков и корабелов.

От колонны Затопленным кораблям до Александрийского столпа — устои российской истории. Их забытое ныне родство и в том, что плита с Присягой городу-полису на берегах Прекрасной Гавани («Клянусь Землею и Солнцем... Я буду врагом замысляющему и предающему или отторгающему Херсонес... или Прекрасную Гавань...»), плита с этой клятвой хранится в книжной сокровищнице на Невском проспекте.

Есть города, которые пошли от рыбацкой избушки, поставленной в ловном месте, или от монашеского скита, от рудника или колодца на караванной тропе... Севастополь пошел от орудийного двора, от батарей суворовских пушек, которые глянули с его холмов в море за несколько лет до основания города. Еще не было герба, но был девиз — слова, сказанные Суворовым: «Пусть будет хорошо обережен Севастополь». Полководец объяснял, почему: «Подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всем Черном море другой не найдется».

«Могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани», — утверждал немало поплававший вице-адмирал Федор Клокачев, герой Чесменского сражения. И если б это было не так, не пыталась бы Европа ею завладеть, не посылали бы к ее берегам военные корабли Стамбул и Париж, Лондон и Берлин, Бухарест и Рим...

Адмирал М.П. Лазарев - главный строитель Севастополя.
С картины художника А.П. Брюллова, 1885 г.

В 1778 году Суворов командовал войсками в Крыму и ведал обороной всего берега. Войны еще не было, и линия нервного зыбкого перемирия проходила именно по береговой черте: море — турецкое, суша — российская. А посему Суворов ломал голову, как выполнить непростой приказ Потемкина: и десанта на берег не допустить, и мира не нарушить...

А турецкая эскадра вошла в Ахтиарскую бухту и, бросив якоря, стала ждать прибытия капудан-паши. Ночью Суворов подтянул к бухте резервы: шесть батальонов с конницей и артиллерией, и, не дав времени на обустройство бивака, велел строить батареи. Причем две из них были заложены на северном мысу, третья — на южном. В тылу же турецкой эскадры стали расти редуты и шанцы.

Поутру турецкие адмиралы забеспокоились и запросили “добро” свезти матросов на берег за пресной водой. С “полной ласковостью” им было отвечено, что родники пересохли и сход на берег нежелателен из-за “чумной опасности”.

День ото дня число орудийных стволов на обоих берегах бухты множилось. На третьи сутки турки, поняв, что неизбежно окажутся запертыми в каменном мешке, подняли якоря и ушли к своим берегам.

Спустя тринадцать лет — после измаильской победы — Суворов снова прибыл в Севастополь с повелением императрицы дать Севастополю крепкую защиту. Над куцыми улочками, сбегавшими к морю, клубились тучи белой пыли. Это матросы Ушакова рвали порохом скалы, возводя вместе с солдатами казармы, госпитали, дома, форты, акведуки, магазины-склады. Адмирал, пропадая на стройках, так и не смог достойно встретить героя Кинбурна и Измаила. Увиделись они на Северной стороне, где Суворов строил двухъярусную батарею. После сердечных приветствий оба склонились над чертежом.

— Сама природа указывает, как строить! — восклицал Суворов. — Мыс против мыса, а на каждом поставим по двухъярусной башне с казематами на рейд. Под защитой их корабли смогут выходить из гавани, даже осажженной с моря. На южной стороне ставим пятую батарею. Она будет довольно страшная — ежели отчаянный неприятель даже мимо всех перекрестных огней прорвется, он повстречает ряд огнедышащих жерл!..

Города могут быть побратимами. Города могут быть дуэлянтами... В том далеком восемнадцатом веке Севастополь был похож на отважного юного мичмана, дерзко вызвавшего завязанного бретера — Константинополь, столицу османского воинства. Михайловский форт против Великой Порты, Артиллерийская бухта против Золотого Рога, Малахов курган против батарей Босфора. Вызов был принят, и нещадные поединки возобновлялись — история помнит — семь раз...

Севастопольская бухта. 1960-е гг. Художник К. Прохоров.

Россыпь крымских курортов от “А” до “Я”, от Алушты до Ялты: Гаспра, Ливадия, Ореанда, Симеиз, Форос... И вдруг — Севастополь! Будто в эстрадном оркестре посреди фокстрота или шейка одна из труб грянула “Боевую тревогу” или “Большой сбор”.

Летом в Севастополе много отдыхающих, но Севастополь — гарнизон от рождения, военно-морская крепость, столица Черноморского флота.

В нынешней красе Севастополя, в чистоте и зелени улиц есть нечто большее, чем просто забота городского коммунального хозяйства. Тут есть общее народное желание, чтобы Севастополь был красив.

“Пусть будет хорошо обережен Севастополь”.

Пусть будет...

Перед въездом в Севастополь водителей встречает щит с надписью, какой я не видел нигде: “Город спит с 23 часов до 7 часов утра”.

Тише! Спит город... Город, расстрелянный за два века существования из бомбических орудий и осадных мортир, жерластых гаубиц и многоствольных минометов, из пушек самолетов, танков, кораблей, наконец, из сверхмощного орудия “Дора”, жаждет тишины. Тишина и вода в Севастополе в особой цене, не выражаемой ни в децибелах, ни в литрах...

...Огромный противолодочный крейсер стоит в Большой бухте. Рядом с ним вздувают ажурные паруса антенн ракетные корабли. Их надстройки врезаются в гористый контур города вместе с колонной памятника Затопленным кораблям, шпилем Матросского клуба, ротондой Панорамы, нелепым “чертовым колесом”, трубами Морзавода и пирамидой Братского кладбища... Без мачт и марсовых площадок заходящих сюда кораблей силуэт Севастополя немислим, как немислим Стамбул без минаретов.

Сквозь зелень горного дубняка, акаций, каштанов красные черепичные крыши проступают, будто алые погоны на солдатских мундирах. Золотой крест Владимирского собора впечатан в севастопольское небо солдатским Георгием за отвагу.

УТРО НА РЕЙДЕ

Алый шар всплывает из-за Черной речки, из-за Инкерманских створов, из-за Сапун-горы, и три слепящие точки вспыхивают над городом, прожигая утренние сумерки: золотой крест на главе Владимирского собора, звезда на шпигеле Матросского клуба, ажурный кораблик на куполе Панорамы...

Здесь, на Четвертом бастионе, на самом высоком холме Севастополя, раньше всех встречают солнце герои Первой обороны. Их мраморные лица в нишах ротонды обращены на восток — туда, откуда летели когда-то вражеские ядра и штуцерные пули... Вице-адмирал Нахимов, генерал Хрулев, штабс-капитан Мельников, поручик Толстой... Белый мрамор их лиц розовеет, теплеет, и оживают они в этот ранний рассветный час. Тревога, тревога в каменных очах. То не солнце выкатывается из-за холмов — раскаленное ядро брандсугеля летит на Четвертый бастион. Летит которое утро, который год...

Светило все выше и выше. Вот оно уже заглядывает в жерла пушек на Малаховом кургане, в кельи пещерного монастыря, в темные амбразуры дотов на Мекензиевых холмах. Минута, другая, и под Арку славы на Воронцовой горе ложится первый сноп золотых лучей. Самые длинные соскальзывают на гладь севастопольских бухт, несутся по вольной синеве, запинаясь разве что на якорных бочках. Огненные блики вызолачивают сталь орудийных башен и дымовых труб, крутоскалые борта и ракетные контейнеры... К восьми утра солнце поднимается на высоту корабельных мачт. Флот встречает его звоном рынд и пеньем рожков. Не звуки — вороха солнечных лучей выбрасывают горны.

— На флаг и гюйс. Смирно!

Эта команда перекачивается с палубы на палубу, с юта на ют. Навстречу солнцу взлетают алые гюйсы и бело-синие флаги. День начат, многотрудный корабельный день...

Адмирал П.С. Нахимов на палубе флагманского корабля "Императрица Мария" во время Синопского сражения. Художник П. Савелов, 1900 г.

Константиновская батарея

Резная тень акаций падает на белую бастионную стену. Тени колонн херсонесских базилик подобрались — бабахнула с Константиновской батареи сигнальная пушка: полдень. И куранты на площади Нахимова проиграли ежечасную торжественную песнь:

...Гордость русских моряков!

Чайка сидит на крыле бронзового орла, что озирает с высоты мемориальной колонны Большую бухту. Серо-голубой крейсер, неся на весу только что поднятые якоря, бесшумно выскользнул за боновые ворота. А солнце из слепящей звезды вновь превратилось в красно-медный шар и опускается в море меж двух эсминцев, провожающих его, точно почетный эскорт. Огонек Херсонесского маяка перемигивается с первыми звездами...

В час, когда на кораблях, что стоят в севастопольских бухтах, горны созывают матросов на "вечернюю справку", Малахов курган, старый боцман Корабельной стороны, начинает свою переключку.

Встань на Корниловском бастионе и услышишь, как отзываются в ночи улицы и переулки, бульвары и проспекты, линии и спуски, площади и балки, набережные и шоссе, бухты и рavelины...

Улицы: Древняя, Курганная, Якорная, Батарейная, Гранатная, Эскадренная...

Переулки: Крепостной, Пушкарский, Яличный, Матросский, Мичманский...

То подает голос восемнадцатый век; век, когда в здешних горах рубили белый камень белизной под стать парусам ушаковских фрегатов...

Улицы: Московская, Суздальская, Муромская, Вологодская, Белозерская, Архангельская...

То голоса пехотных полков, стоявших здесь насмерть в Первую оборону. Скорбные цифры потерь выбиты на плитах храма Николая Морского, чья пирамида на Братском кладбище видна с любой точки города. "Минский пехотный полк — 4161 человек". "Волынский пехотный — 3864 человека". "Владимирский — 3147..."

Улицы: Матюшенко, Частника, Вакуленчука, Лейтенанта Шмидта, Восставших площадь...

То подают о себе весть броненосцы "Потемкин" и "Очаков", первый "красный адмирал", "командующий флотом гражданин Шмидт" и зашедшаяся в братоубийственных залпах... вся "армия свободы в Севастополе".

Свято-Никольский храм-памятник на на Братском мемориальном кладбище

Улицы: Героев-подводников, Адмирала Владимирского, Старшего матроса Голубца, Генерала Петрова, Рядового Романова...

И еще череда героев, защищавших город и освобождавших его совсем недавно, полжизни человеческой тому назад...

Улицы: Циолковского, Курчатова, Каманина, Гагарина...

В свой первый звездный год первый космонавт Земли пришел на Малахов курган, чтобы поклониться здесь Вечному огню Славы, Памяти и Победы. Севастополь назвал Гагарина своим Почетным гражданином.

Как и в седую старь, память наша справляет тризны на курганах — Малаховом и Мамаевом, на Танковой горке, что под Курском, и на Сапун-горе... Во все времена, во все войны быть на кургане — значило принимать в штыки лобовые атаки.

Малахов курган... Бойцы двух великих оборон — девятнадцатого века и века двадцатого — ставили здесь свои пушки след в след. И в этом смысле судьба Малахова кургана сродни судьбе Бородинского поля, где точно так же выпало стоять насмерть солдатам двух Отечественных войн.

Малахов курган зарос платанами и сиренью, клевером и одуванчиками, розами и ромашками. По весне проступают на нем алые пятна маков. Вечный огонь сушит цветы, брошенные на решетку; морской ветер рвет рыжее пламя... И неутихшая вечерняя поверка, как крепостное «Слу-у-ша-а-й!», доносит сюда имена улиц: Первая Бастионная, Вторая Бастионная, Третья... Четвертая, Тарутинская, Бородинская...

И кто знает, не отзываются ли той переключке из далекого Парижа улицы «Малахов курган», «Севастопольский бульвар», мост Альма?

Ночь в Севастополе течет под перезвоны склянок на кораблях и крики петушиных вахт из садов Северной стороны. Ночь — время памяти. В заповедный лунный час глянешь с высокого берега Большой бухты и увидишь, как тесно стало за два века на просторном рейде: изрешеченные паруса брига «Меркурий» наплывают на вершки мачт затопленных на пути вражеской эскадры фрегатов, высоченные трубы

Затопление кораблей Черноморского флота на Севастопольском рейде 11 сентября 1854 г. Художник И.А. Владимиров, 1906 г.

«Потемкина» вываливают клубы бурого дыма, и дым этот пронзает столб пламени над линкором «Императрица Мария». И отбивается от роя «юнкерсов» крейсер «Червона Украина»...

В лунном свете проступают сквозь белые стены спящих домов черные руины. Матросы в бушлатах и касках выкатывают из-за колонн Графской пристани пулеметы. Луна блестит осколком солдатского зеркала...

И снова светлеет небо за Черной речкой, за Инкерманскими створами, за Сапун-горой...

Проилеи у входа на Малахов курган

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ КУРАНТЫ

История поступила с Севастополем, как рассеянный фотограф, снявший на одном негативе множество кадров. Прояви — и сквозь одно лицо проступит другое, третье... Вон там, в глыбах взорванного артиллерийского дота, белеют робы нахимовских пушкарей, а среди них — приглядишься и увидишь — щиты гераклионских гоплитов, строящихся в боевую фалангу...

И точно так же две великие обороны города наложились одна на другую. Рядом с корниловским матросом Михаилом Мартынюком, вынесшим из порохового погреба загоревшийся бочонок, стоит краснофлотец Иван Голубец, руками сбросивший с горящего катера глубинные бомбы. Сошлись через столетия на севастопольской земле командир отличившегося в дни Первой обороны отряда пароходо-фрегатов капитан 1 ранга Г. И. Бутаков и его славный потомок, тоже капитан 1 ранга Г. А. Бутаков, внесший свой вклад во Вторую оборону города: созданная по его замыслу плавучая батарея "Не тронь меня!" стойко сражалась с фашистской авиацией.

Правнук автора "Севастопольских рассказов" — живописец Олег Толстой — восстанавливал после войны панорамное полотно, увековечившее Первую оборону.

А отважная пулеметчица 25-й Чапаевской стрелковой дивизии Нина Онилова? Защитники Севастополя любовно называли ее Анкой — по имени героини из популярнейшего фильма. Анка и Нина. Два поколения связала пулеметная лента. Герой Советского Союза Нина Онилова скончалась от ран 8 марта 1942 года.

В Севастополе монументам тесно. Куда бы ни пошел, всюду знаки великой памяти. Поодаль от Малахова кургана, рядом с автостанцией, застыл на вечной стоянке паровоз бронепоезда "Железныков". Огромные его колеса красны... И резанет в привокзальной суете по глазам надпись на тендере: "Смерть фашизму!". С откоса уличной стенки вдруг полыхнет: "Наше дело правое! Победа будет за нами!"

Герой Советского Союза старший матрос-пограничник Иван Голубец

Герой Советского Союза командир пулеметного расчета Нина Онилова

Историческая справка

За последние двадцать пять дней осады Севастополя немцы сбросили на город столько тяжелых бомб, сколько английский воздушный флот сбросил их к тому времени на всю Германию...

Сгорело небо на живописном полотне Севастопольской панорамы. Но не сгорело небо над городом... Теперь пудовые осколки тех бомб ржавеют на задворках музея Краснознаменного Черноморского флота.

Среди экспонатов этого музея мало вещей неповрежденных: вот обломки перебитой в сражении сабли адмирала Корнилова, вот обломок мачты с броненосца "Потемкин", вот простреленная каска...

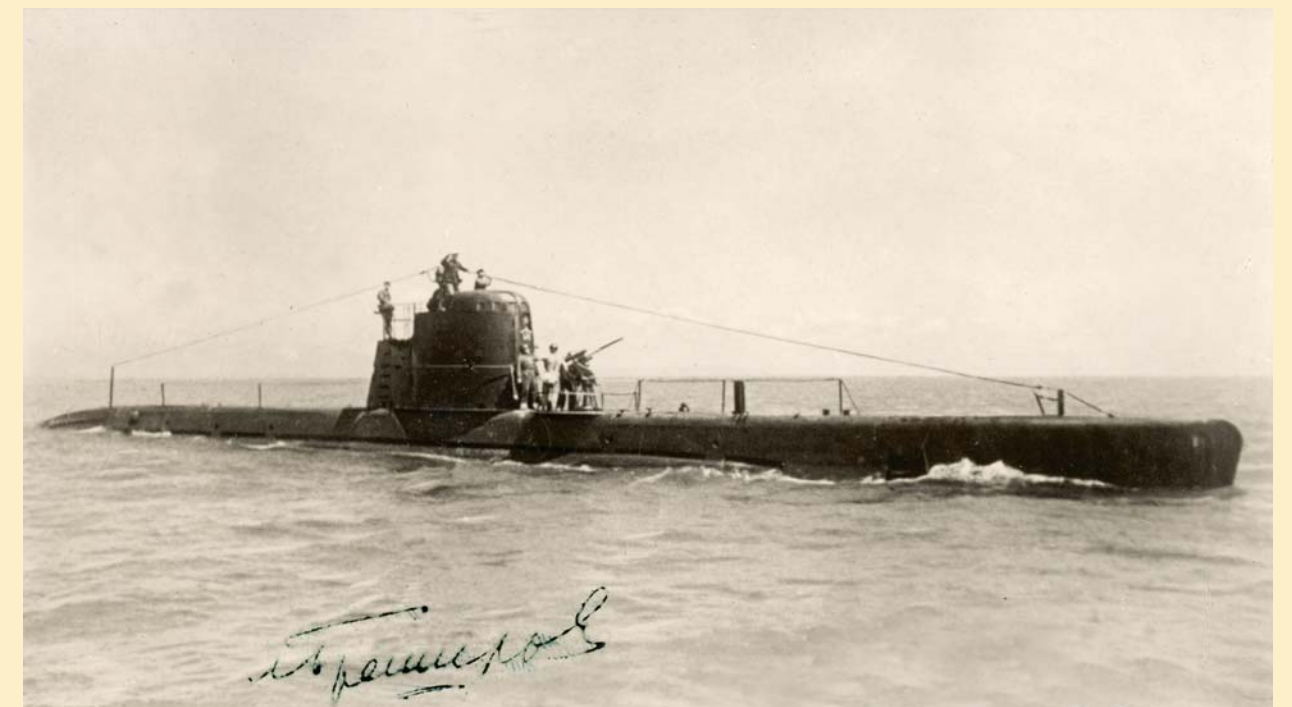
Но рассеяны по витринам музея вещицы, не тронутые железом войны; они целы и полны здесь особого смысла — часы. Лежит под стеклом хронометр командира 54-й батареи лейтенанта И. Заики.

Это они отсчитали первые минуты 250-дневной обороны Севастополя — артиллеристы 54-й батареи сделали первые выстрелы по врагу, подошедшему к городу. А на той витрине поблескивают между пистолетом и портсигаром часы командующего Севастопольским оборонительным районом вице-адмирала Ф. Октябрьского. Это по ним шел отсчет осадного времени.

Командир подводной лодки М-35
Герой Советского Союза
Михаил Грешилов

Подводная лодка М-35 уходит на боевое задание

Портрет хирурга Н.И. Пирогова.
Художник И.Е. Репин, 1881 г.,
Государственная Третьяковская галерея.

Песочные часы нахимовского парусника, медная "луковица" матроса с учебного корабля "Прут", черноморского "Варяга", не спустившего флаг перед "Гебеном", секундомер командира Краснознаменной подводной лодки М-35 М. Грешилова.

Время застыло в часовых механизмах мин и в именных часах героев. И только в вестибюле музея громко отбивают такт новенькие морские часы, и отзывается пение курантов с площади Ушакова: "Ле-ген-дар-ный Се-ва-сто-поль... Гордость русских моряков..."

Этот мелодичный перезвон летит по всему городу. Звучит он и на главной площади Севастополя, где адмирал в бронзовых

эполетах смотрит с высоты постамента на мемориальную стенку с названиями полков и кораблей Великой Отечественной. Будто вглядывается из своего исторического далека в имена тех, кто продолжил подвиг матроса Кошки и Даши Севастопольской, генерала Хрулева и хирурга Пирогова...

Герои обороны Севастополя 1854 - 1855 гг. Афанасий Елисеев, Аксений Рыбаков, Петр Кошка, Иван Димченко и Федор Заика. Художник В.Ф. Тимм.

АВНАСИЙ ЕЛИСЕЕВ, Ультр-офицер резерв 30-й Волынского Пех. Полк.
ПЕТРЬ КОШКА, Квартирмейстер 30-й Флотского Экипажа.
ФЕДОРЪ ЗАИКА, Квартирмейстер 30-й Флот. Экип.
АКСЕНИЙ РЫБАКОВЪ, Боцманъ 30-й Флотск. Экип.
ИВАНЪ ДИМЧЕНКО, Матросъ 30-й Флотск. Экип.

ПОРУЧИК С ЧЕТВЕРТОГО БАСТИОНА

Лев Николаевич Толстой
1856 г. Колорированное фото с даггеротипа.

Севастопольские камни помнят Толстого. Наверное, и великий старец не раз обращал к ним мысленный взор в те роковые дни, когда после ухода из Ясной Поляны решал, куда держать путь: в Оптину пустынь? На Кавказ? В Болгарию?

Разве не в Севастополе пережил Толстой самые трудные, опасные и потому прекрасные дни, ибо прекрасным становится с годами то место, где юность была испытана и закалена. Разве не в Севастополе состоялось его рождение как писателя и гражданина?

Одно время я был просто уверен, что Толстой ехал из Ясной Поляны не куда-нибудь, а в Севастополь. Даже изучал карты железных дорог: могли ли через Астапово следовать поезда в Крым? Потом узнал, что билет был взят до Ростова-на-Дону...

Севастопольский офицер принес в редакцию "Современника" военные рассказы своего сослуживца — артиллерийского поручика графа Толстого. Рассказы эти, напечатанные Некрасовым, ошеломили читателей окопной правдой, небывалой еще в литературе, той правдой войны, которая убивала саму идею войны, клеймила ее как наигрязнейшее и наинелепейшее дело на земле.

Надо было иметь недюжинную гражданскую смелость, чтобы сказать: "Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести по всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда".

Генеалогические связи "Севастопольских рассказов" и эпопеи "Война и мир" очевидны. Не будь Толстого на севастопольских бастионах, не было бы в литературе бородинских редутов. Не стань Толстой очевидцем сражения на Черной речке, не было бы в романе страниц об Аустерлицкой битве с прозрением Андрея Болконского. Не стой двадцатилетний поручик Толстой со своим горным артиллерийским взводом на Телеграфической высоте, не было бы в романе тушинской батареи да и самого Тушина, чей портрет, достовернейший образ честного русского офицера, блестяще продолжил "капитанскую галерею" Пушкина, Лермонтова...

Да кто измерит, что дал Севастополь Толстому?

Академик Тарле подметил о "Войне и мире": "В романе действуют персонажи, которые сплошь и рядом говорят не как офицеры 1812 года, а как офицеры Крымской кампании".

Можно утверждать убежденно: не будь в жизни Толстого Севастополя, не было бы и войны в "Войне и мире". А если бы и была, то наверняка иная. Да и был бы сам роман?

На Четвертом бастионе в тылу оружейных дворики стоит ныне небольшая стела с профилем молодого офицера: "Великому русскому писателю — участнику обороны..." Гранит и мрамор.

Севастопольские камни помнят Толстого.

АДМИРАЛ КОРНИЛОВ

Странно мы устроены. Прикоснись к твоей жизни чья-либо другая, прикоснись едва-едва, чуть уловимой гранью, тенью даже, и вот уже эта другая жизнь вовсе тебе не чужая, и след прикосновения, пусть призрачный, навсегда выделит для тебя этого человека, его имя из людского океана.

Одним летом я жил в Севастополе близ Владимирского собора — в старинной возвышенной части города. Балкон моей комнаты выходил на фасад кряжистого двухэтажного дома из инкерманского камня. Между окнами золотились буквы мемориальной доски: "Здесь была последняя квартира адмирала Корнилова".

Только что прошумел июньский ливень, и русла высохших ручьев были облеплены сбитыми лепестками акаций. И вдруг подумалось, что все это — и отблески молний на золоте соборного креста, и такие же вот лепестковые русла ручьев, и эти дома, и голубизну бухты сквозь зелень Владимирской горки — все это видел, вдыхал, чувствовал человек, живший напротив сто двадцать лет назад — статный красавец, начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов.

С того дня все портреты адмирала Корнилова, где я бы их ни видел, для меня как бы слегка оживали.

Из всей плеяды севастопольских адмиралов Владимиру Алексеевичу Корнилову в памяти потомков не повезло. Славу его имени затмила тень генерала-однофамильца, возглавившего антибольшевистскую борьбу на Дону.

Наверное, по этой причине набережную Корнилова, едва в Севастополе установилась Советская власть, тут же переименовали в набережную Энгельса. Сейчас ей вернули прежнее имя, но ни в каких других наших городах не встретишь улицы Корнилова, тогда как даже в подмосковном Абрамцеве есть улицы Нахимова и

«Отстаивайте же Севастополь!» Адмирал Корнилов на Малаховом кургане».
Художник Е. Емельянов, 2015 г.

Памятник адмиралу В.А. Корнилову на Малаховом кургане

Ушакова. Нет и орденов адмирала Корнилова; тогда как в честь Нахимова и Ушакова учреждены ордена, выбиты медали.

Мне приходилось бывать на крейсере "Ушаков" и большом противолодочном корабле "Адмирал Нахимов". Но нет в списках нашего Военно-Морского Флота корабля с именем адмирала Корнилова на борту.

Правда, ученый секретарь севастопольского музея Валентина Владимировна Егоренкова, много лет собиравшая материалы о Владимире Алексеевиче, видела на Волге самоходную баржу-арбузовоз, на носу которой было выведено: "Адмирал Корнилов". Но это больше похоже на кощунство, чем на увековечение памяти.

Не повезло и единственному памятнику адмиралу Корнилову, установленному на том месте, где он погиб, - на Малаховом кургане. Надпись на цоколе — завещание Корнилова — "Отстаивайте же Севастополь до конца!" взбесила немецких оккупантов, и прекрасные бронзовые фигуры смертельно раненого адмирала и матроса Кошки, заряжающего мортиру, были отправлены в Германию на переплавку.

Почти сорок лет пустовал постамент, побитый пулями и осколками. К двухсотлетию Севастополя были отлиты фигуры Адмирала и Матроса такими же, какими они были до войны. И ныне флотоводец, зовущий к победе, виден даже с кораблей, стоящих в Южной бухте. Вот только зря мраморные плиты монумента, хранившие следы войны, заменили на новехонькие, гладко отшлифованные.

"Когда этот герой, — писал в "Севастопольских рассказах" Толстой, — достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: "Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя", наши русские, не способные к фразерству, отвечали: "Умрем! Ура!"

Вспомним слова самого Корнилова, начальника штаба Черноморского флота, с которыми он обращался в приказе к морякам: "Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходящим неприятелем отошли к Севастополю... Москва горела, а Русь от этого не погибла".

Чего стоит это "товарищи!" В одном слове весь Корнилов.

ПОБРАТИМЫ

Портрет Эдуарда Тотлебена. Художник Р. Виммер, 1878 г.

Севастополь вступил в войну раньше приграничного Бреста, Перемышля, Измаила... 22 июня 1941 года в 3 часа 07 минут зенитки кораблей, стоявших в сева­стопольских бухтах, береговые орудия ПВО открыли огонь по немецким самолетам, сбрасывавшим на фарватер магнитные мины. Не с тех ли двух сбитых “юнкерсов” начался тогда великий счет войны, великий счет Победы?

Форты Севастополя и башни Бреста — крестные братья. Выдающийся русский фортификатор Эдуард Иванович Тотleben первым связал их родственными узами: на основании его инженерных идей перестраивалась Брестская крепость, под его руководством возводились сева­стопольские рavelины.

Тереспольская башня брестской цитадели и оборонительная Белая башня Малахова кургана похожи даже внешне: приземистые, угловато-кубические, с узкими окнами-бойницами... Сооружались они примерно в одно и то же время — в середине прошлого столетия. А потом было огненное крещение...

В 1831 года в Брест-Литовске был сформирован Модлинский пехотный полк, который с началом крымской кампании отправился на Дунай, а затем в Севастополь — оборонять Малахов курган. Тысячу двести человек оставил полк на склонах этой высоты. Но самое громкое дело произошло в Белой, или Корниловской, как ее тогда называли, башне.

В роковой день последнего штурма сорок модлинцев и несколько матросов во главе с поручиками А. Богдзевичем, М. Данильченко и М. Юнием засели в башне и начали круговую оборону. Французы подожгли башню, но вовремя вспомнили, что в нижних этажах запасы артиллерийского пороха. Тогда выкатили мортиру и стали бить по входу в упор.

Башня кургана отвечала огнем на огонь точь-в-точь как в первые сутки Великой Отечественной палила по фашистам башня Тереспольских ворот. Брестские пограничники и солдаты 333-го стрелкового полка держали оборону несколько суток...

Когда, расстреляв все патроны, модлинцы вышли из башни, французские офицеры взяли под козырек, отдавая честь мужеству защитников.

Сергей Сергеевич Смирнов писал, что и в Бресте немцы еще проявляли остатки рыцарства: снимали каски перед изможденными защитниками цитадели.

В Москве у могилы Неизвестного солдата земля Бреста сошлась с землей Севастополя.

Смена караула у могилы Неизвестного солдата. Москва.

ПАРАДНЫЙ ВХОД СЕВАСТОПОЛЯ

Матросы скупали в прибрежном сельмаге соль пачками.

— Что, хлопцы, борщ несоленый? — любопытствовала продавщица.

— Море малость опреснило, — отшучивались оптовые покупатели, — подсыпать будем.

И укладывали в вещмешки пачку за пачкой. Они подсыпали соль в цемент, чтобы бетон не крошился на ветру и морозе. Бетон должен был стоять долго. По возможности вечно. Матросы строили памятник матросам — защитникам 30-й береговой батареи.

Таких батарей — башенных двенадцатидюймовых — было всего две: 30-я прикрывала вход в Севастопольскую бухту с севера — с холмов деревни Любимовки; 35-я — встречала гребенкой своих стволов любой корабль, подходивший к Севастополю с юга. Ее башни возвышались на Херсонесском мысу. Вместе — 30-я и 35-я — как раз и составляли “парадный вход Севастополя”, артиллерийские ворота города-крепости.

Батарея батарее рознь. Батареей “тридцатка” была разве что по числу стволов — четыре дальнбойных обуховских орудия смотрели в море из двух линкоровских башен. На самом деле обе батареи представляли собой мощные подземные форты. Под боевым перекрытием — четырехметровой бетонной крышей — залегал в глубине холма “блок” с кубиками для артиллеристов, с отсеками для дизель-электростанции, лазарета, снарядных и зарядных погребов, камбуза, хранилищами топлива, провизии, пресной воды.

По боевой тревоге скоростные лифты поднимали орудийную прислугу из подземелья в броне­вые башни. Особенностью 30-й батареи была потерна — почти километровой подземный ход, соединявший на глубине пятьдесят метров башни с командным пунктом.

30-я береговая батарея или форт «Максим Горький-1»

Потерна 35-й береговой бронешашенной батареи

Шедевром советского фортификационного искусства называли 30-ю батарею специалисты. Фабрикой артогня и подземным линкором величали ее сами батарейцы. Форт «Максим Горький» — именовали ее немцы. Говорят, о ходе боев за форт «Максим Горький» докладывали Гитлеру ежедневно. О «тридцатке» говорили, говорят и будут говорить очень долго.

Всякий раз, когда я заводил с кем-либо разговор о 30-й батарее, он начинался с легенд. Будто бы на «тридцатую» под носом у немцев провели железную дорогу и доставили новые орудийные стволы взамен поврежденных. Будто бы паровоз сошел с рельсов и матросы подняли его на руках. Будто бы теми же краснофлотскими руками — без подъемных кранов — меняли пятидесятитонные трубы стволов.

Будто бы специально для того, чтобы уничтожить «тридцатку», немцы пригнали из Германии сверхмощные мортиры «карлы», калибр которых вдвое превышал калибр башенных орудий.

Будто бы, когда кончились боевые снаряды, в ход пошли учебные — невзрывающиеся — болванки. Прямое попадание сбивало башню. Когда же кончились болванки, комендоры засыпали в стволы щебень и стреляли камнями, как картечью. Стало невозможно вылезать за камнями — палили одними зарядами, отбрасывая огненными «выдохами» напозающую пехоту. Сожгли последний полужаряд, но оставался еще сжатый воздух для продувки стволов. «Воздушные залпы» тоже разили: у вражеских солдат, попавших в «конус» такого выхлопа, лопались глаза и рвались легкие...

Воистину 30-я батарея вела бой до последнего вздоха.

Последний вздох наступил, опорожнены и стальные баллоны. Артиллеристы ушли под землю, под своды «блока», в потерну, и там, в кромешной тьме, разрываемой вспышками выстрелов, «тридцатка» продолжала бой — матросскими ножами, саперными лопатками.

Из легенд не вырастают факты. Но факты могут становиться легендами. Все эти «будто бы» превратились для меня в факты, едва я прикоснулся к документам, едва я встретил уцелевших очевидцев и участников... Да! Это все было!

Командир тридцатой батареи
Г.А. Александер (слева) и военком
Е.К. Соловьев

Была железная дорога, проложенная на передовую, была и каменная картечь, были рукопашные бои в потерне, была невероятная смена пятидесятитонных орудийных стволов.

Вот что пишет директор морзавода М. Н. Сургучев, посылавший ремонтную бригаду на «тридцатку»:

«Вокруг батареи не осталось ни одного не перепаханного бомбами и снарядами клочка земли. Просто удивительно, как еще продолжала существовать батарея. Сразу же приступили к осмотру. Оказалось, что неразорвавшийся снаряд сбил часть боковой брони, снес почти полкрыши и заклинил башню. В нее невозможно было войти, так как образовавшаяся в броне брешь давала возможность немцам стрелять в каждого, кто там покажется. Прежде всего требовалось развернуть башню, подставив немцам ее уцелевший «затылок». Только тогда можно было приступить к ремонту.

Гитлеровцы понимали, что батарею так не оставят, обязательно начнут ремонтировать, и день и ночь забрасывали «тридцатку» снарядами, минами, обстреливали из пулеметов. Кроме того, с перерывом в три-четыре часа поблизости рвались снаряды сверхмощной пушки. Как подступиться к неразорвавшемуся огромному снаряду? Выручили два добровольца из числа батарейцев. Они попросили всех покинуть башню, спокойно надели на снаряд металлические хомуты, затем их концы приварили к стальной рубашке брестера. Делалось все это без излишней спешки, осторожно и хладнокровно. Башню развернули».

Бывший краснофлотец Иван Павлович Федин — один из тех, чьими руками была проделана эта адская работа. У него и сейчас еще, спустя сорок лет, загораются глаза при слове «тридцатка».

— Стреляли мы много, износ стволов был такой, что последние снаряды улетали, хлопая по воздуху, будто подстреленные птицы. Но как выдернуть стволы и поставить другие? О кране не могло быть и речи. Он торчал бы, как каланча, и немцы тут же его сбивали... Решили в первую очередь восстановить железнодорожный путь, чтобы к батарее смог подойти паровоз с платформой. А уж как ствол с нее сгружать — видно будет... Ночью на малом пару, чтобы не сыпались искры, подошел паровоз со стволами из линкорских

Командир 35-й батареи
капитан А.Я. Левченко.

Медвежонок — талисман крейсера "Красный Кавказ"

запасов. Пригнали и два гусеничных трактора ЧТЗ. Они-то и выдергивали из амбразур старые стволы, а потом по подкладкам из шпал подтягивали новые. От перегрузки у тракторов вылетали из выхлопных труб огненные факелы. Немцы тут же открывали огонь... К утру работы прекращались, трактора укрывались под порталом южного входа, а ночью мы опять брались за рычаги домкратов, ваги, кувалды... Тех, кто пытался "сачковать", обзывали "вторым фронтом": "Что стоишь, тудыть твою, как Англия! Руками берись!"

Бывало, попадешь по делам в город, а мальчишки обступят: "Дяденька, починили тридцатую?" — "Что за черт, на лбу у меня не написано, кто я и откуда..." — "На лбу не написано, дяденька, а вот на противогазе — бирка!" Вот бестии глазастые... Весь город ждал, когда мы, наконец, жажнем. Мы молчали до поры. А потом врезали — по эшелонам в Бахчисарае. Говорят, дымище видели с турецкого берега...

Тридцатая батарея долгие годы была затаенной гордостью Севастополя.

"Парадный вход" из двух береговых дальнобойных батарей был задуман еще с той поры, когда кайзеровский крейсер "Гебен" обстрелял город с моря. А может быть, и раньше...

Русские военные инженеры Георгий Николаевич Колокопцев и Борис Корнилович Соколов подыскивали наиболее удачные места для башенных батарей и даже приступили к их строительству, но гражданская война прервала работы.

Осенью 1931 года два крупных флотских специалиста Исаков и Немитц, изучая возможности сухопутной обороны черноморского театра, побывали в Любимовке, осмотрели старый котлован и пришли к выводу: сооружать батарею надо как можно быстрее. С Днепростроя привезли бетономешалки. Темпы тоже были "днепрогэсовские": в час укладывали по сорок пять кубометров бетона! Только в одно боевое перекрытие — крышу подземного форта — было уложено двадцать две тысячи кубов высокопрочного бетона, почти две тысячи тонн стальной арматуры. Об этой стройке не писали в газетах... О ней помнят теперь немногие. Я разыскал бывшего старшего прораба Кангуна...

— Работали днем и ночью, в три смены, — вспоминал полковник в отставке. — Всех строителей перевели на матросский паек. В феврале тридцать второго ударили невиданные в Крыму морозы — минус двадцать два, да еще с ветром. Бетон начал замерзать, грели воду... Проверяли каждую вагонетку с жидким бетоном. Ведь строили не дом и не плотину, строили крепость. Трехметровое с половиной боевое перекрытие должно было выдерживать прямые попадания фугасных авиабомб. Чтобы смягчить удары, мы делали асфальтобетонные прокладки. От мощных взрывов могли откалываться глыбы, поэтому своды казематных потолков были забраны в швеллерные балки — одна к одной, как нервюры готического собора.

Цемент шел наш — новороссийский портланд. У него особенность — с годами прочность повышается. Щебень — диоритовый, камень привозили из-под Симферополя. Гальку брали на месте — с любимовского пляжа.

К 1 мая 1932 года военные строители закончили боевое перекрытие. Потом установили башни с пинкоровскими двенадцатидюймовками. Когда одно из орудий произвело пробный выстрел, в окрестном совхозе лопнула цистерна с вином, повывлетали стекла в мазанках... То был голос "тридцатки", укрытой в недрах родной земли и сотворенной из нее до последнего камушка.

В истории 30-й батареи, как в капле — нет, не воды, как в капле крови, отразилась вся героическая трагедия Севастополя. "Подземная война", зародившаяся в минных галереях севастопольских бастионов, повторилась и преумножилась сообразно технической мощи двадцатого века в казематах и потернах береговых батарей. Для бойцов "тридцатки" она началась 18 июня 1942 года. За день до того батарея была полностью блокирована немецкой пехотой.

Еще раньше, 15 июня, вражеские автоматчики, захватив виноградники совхоза имени Софьи Перовской, перерезали воздушную и подземную линии связи. Телефон в боевой рубке замолчал. А через день смолк и радиоприемник — немцы не только уничтожили все наружные антенны, но и повредили подземную антенну.

По этой ли, по другой причине приказ оставить умолкнувшие башни на батарее

Немецкие военнослужащие осматривают разрушенную 305-мм башню №2 30-й батареи

Погрузка снарядов на лидер "Ташкент". 1942 г.

не дошел. Свыше двухсот пятидесяти человек — артиллеристов, стрелков 90-го полка, прикрывавших подходы к башням, женщин с детьми из разбитого военного городка — скрылись под бетонным массивом, задраив за собой тяжелую бронегерметичную дверь.

Село Любимовка... Местность здесь военная. Долины выгоревшие, как гимнастерки пехоты, море — линялый матросский воротник. Война здесь навечно выкрасила все в свои цвета.

Нас четверо: прапорщик Ярослав Савко, бывший горизонтальный наводчик первой башни Иван Федин, бывший комсорг "тридцатки" Владимир Куприенко и автор этих строк. На батарейный холм, заросший акацией и полынью, мы поднялись каждый по своему делу: Савко — чтобы показать подземелье, Федин — чтобы вспомнить войну, Куприенко — рассказать о матросском памятнике, я — узнать про все это и записать.

Степной кузнечик скакнул и ударился о броневую плиту двери, ведущей в главный коридор "подземного линкора". Теперь здесь склад ядохимикатов местного совхоза. Прапорщик Савко привычно вращает маховик открывающего механизма, плита на колесиках отползает по рельсам, и мы входим под высокие своды главного коридора. Это и есть "блок", или "массив", врытый в глубине холма под башнями батареи. Савко включает рубильник, и на сырых стенах загораются тусклые плафоны. Наши шаги звучат глухо — мы ступаем по рифленным стальным листам. Федин идет мимо броневых дверей и читает их, словно железные страницы железной книги:

— Здесь был дизельный отсек... Здесь электростанция... Там — лазарет. За этой дверью — кубрик комендоров. За поворотом — лаз в подбашенные отделения... Вход в снарядный погреб...

Над нашими головами еще сохранился монорельс, по которому возили в погреб многопудовые снаряды. Сюда, в стылую тишину подземелья, и пришли те полуголошные люди, для которых лето сорок второго могло стать последним в жизни.

Фельдмаршал Манштейн бросил на захват форта "Максим Горький" около полка пехоты, два саперных батальона, штурмовую артиллерию, танки...

"Переброска тяжелых метательных установок типа "Карл" в район Севастополя, — помечал в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер. — Майор Шнейдер-Костельский доложил об использовании управляемых на расстоянии штурмовых и наполненных взрывчаткой машин под Севастополем".

Не довольствуясь 600-миллиметровыми "карлами", Манштейн требовал, чтобы под Севастополь пригнали самую мощную за всю военную историю пушку — 800-миллиметровую "Дору". "Чудо германской техники" обслуживало полторы тысячи человек под командованием генерала. Фельдмаршал Манштейн надеялся, что семитонные сверхснаряды разворотят стены неукротимого форта — 30-й батареи. Впрочем, фельдмаршалом Манштейн стал чуть позже, 1 июля, положив в последний день штурма полтора ста тысяч солдат и оставив на севастопольской земле свыше 250 сгоревших танков. А тогда, в начале июня, залпы "тридцатки" тревожили слух любимца фюрера и уж, во всяком случае, никак не наводили на мысль о фельдмаршальском жезле.

На моем столе лежат два дневника: генерал-полковника Гальдера и севастопольского комендора краснофлотца Фебина. Оба они открыты на одной и той же дате: 3 июня 1942 года, 347-й день войны.

Гальдер: "На наше артиллерийское наступление на Севастополь противник ответил артиллерийским контр наступлением. Ведутся окопные работы".

Федин: "В 10 часов утра сигнал "Боевая тревога" собрал всех по местам. Но вместо привычных команд о снарядах и прицелах был отдан небывалый до сего времени приказ: "Отбой! Все вниз!"

Мы посыпались из башен, как горох из опрокинутой банки...

Мощный взрыв рванул на броневой крышке второй башни. Те, кто еще спускался оттуда, попадали без чувств: из ушей текла кровь, комендоров рвало, от сильной контузии они потеряли речь и слух. Пострадавших немедленно отправили в лазарет. А мы гадали — что там так грохнуло: авиабомба? Снаряд?

Но тут объявили по трансляции, что нас обстреливает сверхмощное орудие. Оно выпустило по нам двадцать два снаряда с интервалом в восемь минут. Каждый выстрел сопровождался глухим подземным толчком, а разрывы со страшным грохотом сотрясали весь железобетонный массив. Кое-где появились трещины. Тут и неверующий Богу взмолился! Я, чтобы не смотреть в потолок и не думать, выдержит перекрытие или нет, отправился в машинное отделение. Там под потолком были полки с художественной литературой. Нашел книгу Лермонтова "Вадим" и стал читать с превеликим интересом. А по трансляции во время обстрела крутили веселую пластинку: «А лаптищи-то на ём черт по месяцу плел...»

Четырехметровое боевое перекрытие выдержало.

Потом, выбравшись наверх, я увидел, как комбат Александер измерял рулеткой неразорвавшийся снаряд "Карла". Длина — 2,5 м, калибр — 603 мм. Весила эта чушка три тонны".

Если женщинам и мальчишкам, укрывшимся под "массивом", толстая сталь и цементированные отсеки еще внушали надежду на спасение, то военные знали доподлинно: нет таких стен, за которыми можно было бы пересидеть войну. Тем более теперь, когда огнедышащие исполины "тридцатки" молчали. Из амбразур в трехсотмиллиметровой броне били только автоматы и ручные пулеметы, не подпуская к башням саперов-подрывников.

Командир батареи майор Александер лучше многих понимал, что его люди попали вовсе не в убежище — в каменную, ловушку. Ночью большая группа бойцов под началом политрука Е. Соловьева ринулась из запасного выхода на прорыв кольца. Их встретил кинжальный огонь пулеметов. Те, кто уцелел, унесли "под массив" раненого комиссара.

Утром в боевой рубке командного пункта зазвонил телефон, умолкнувший, казалось, навсегда. Кто-то из немецких офицеров, с трудом подбирая русские слова, предлагал почетную сдачу в плен. Майор разбил трубку о бронезаслонку смотровой щели. Но наверху, на обнажившейся от снарядов "Карла" бетонной крыше, уже хозяйничали вражеские саперы. Первым делом они засыпали песком выхлопные трубы ди-

Истерзанный Севастополь. Погибаю, но не сдаюсь! 1942 г.

зелей. Остановилась электростанция. Казематы, коридоры, потерну заволочла непроглядная тьма. Однако электрики подключили систему освещения к аккумуляторной батарее, и в штабном отсеке и над хирургическим столом снова загорелись плафоны. Тогда саперы подорвали входную — северную — бронедверь, и в главный коридор ворвалась штурмовая группа. Ее встретили гранатами и автоматным огнем в упор.

Женщинам, детям и ходячим раненым приказано было спуститься в потерну — глубокий подземный ход...

Я стою у края шахты — она немного шире колодца, — смотрю, как уходят в двадцатиметровую отвесную глубину скобы, и не могу представить себе, как спускались по ним женщины с детьми — жены, сыновья и дочери артиллеристов “тридцатки”. Но они спускались... Лезли и мы, хватаясь за ржавые прутья скоб. Прапорщик Савко посвечивает нам фонарем. Вот и потерна. Узкий, в рост человека, бетонированный коридор тянется до следующей шахты почти на километр. Тут сухо. Строили действительно на совесть, если за полвека на такой глубине — 50 метров от поверхности — не просочились грунтовые воды.

Я приотстаю от своих спутников. Шум их шагов, преломляясь в коленях потерны, наполняет ее причудливыми звуками. В них так и слышится приглушенный говор, шепот, детский плач, стоны... Мне становится душно и страшно. Здесь, в этой длинной тесной трубе, погибли десятки людей. Их задушил газ, который немецкие саперы пустили в вентиляционные отдушины.

Потом, в конце июня, когда газ выветрился, сюда спустились молодчики из айнзатцкоманды. Посвечивая переносными фарами, они шагали по трупам, устилавшим потерну. Быть может, за тем или этим поворотом на них обрушились беспощадные матросские ножи. БатареЙцы дрались по-севастопольски...

21 июня майор Александер отдал приказ взорвать орудия в башнях. Матросы кувалдами разбивали радиоаппаратуру, новейшие приборы для стрельбы... Из дизелей спустили масло, перекрыли воду и запустили их на полные обороты. Заклинивало намертво...

День ото дня положение подземного гарнизона становилось все хуже и хуже. Кончилась вода, продукты... Но самое страшное — кончался воздух. Вентиляционные отдушины давно забились бушлатами и матрасами, чтобы перекрыть доступ ядовитым дымам. Люди дышали невообразимой смесью углекислоты, пороховых газов и трупного смрада. Только тяжелораненым давали время от времени хлебнуть из кислородных подушек. Да еще тем, кто пробивал новый выход в неожиданном для немцев месте. Самые сильные бойцы расширяли лопатками дренажный водосток. Когда до поверхности остался шаг-другой, немцы, услышав подозрительный шум, швырнули в водосток гранату. Не было бы счастья, да несчастье помогло: воронка от взрыва сразу расширила выход, и батареЙцы, прикрывая немногих уцелевших после газовых атак женщин, тремя группами вырвались из-под “массива”. Они пробились сквозь блокадное кольцо, потому что смерть на чистом воздухе была лучше удушья в бетонном мешке.

С горсткой краснофлотцев ушел на поиски партизан и майор Александер...

Лицо командира 30-й батареи я увидел в Москве на небольшом портрете. Сухощавое, волевое, умное. Лоб прикрыт козырьком старомодной флотской фуражки. Портрет писал не профессиональный художник. Портрет писал краснофлотец Иван Федин.

— Александра Георгиевича мы не просто уважали — любили, — рассказывает Иван Павлович. — И знали его многие — по портретам в газетах, по листовкам... Немцы его искали... Когда нас пригнали в бахчисарайский лагерь, они что сделали: пустили что-то вроде душа. Ну, мы после боя, жары, пекла поскидали с себя все — полезли под струйки. А немцы смотрят: кто поплечистей да посытее — в тяжелой артиллерии здоровяки да и паек лучше, чем в пехоте, — хватить и вопрос в лоб: “Ты с тридцатой батареи? Где Александер?!”

...Майора нашего выдал какой-то гад из местных жителей. Говорят, предлагали Александеру батарею во Франции — на “Атлантическом валу”. Это они в расчет брали опыт его ну и немецкую фамилию. Посчитали его за русского “фольксдойча”. А он отказался. За отказ застрелили в камере симферопольской тюрьмы.

Мы выбрались из шахты в главный коридор. Федин внимательно осмотрел электрощит, а потом нажал какую-то кнопку. И тут же под высокими сводами “массива” яростно взвыла сирена. “Взвыла” — не то слово. Это был мощный, рокочущий бас, набирающий силу с каждой секундой, будто тяжелый бомбардировщик, невесть как попавший в подземелье, выводил на форсаж свои ревущие моторы. Я зажал уши, но барабанные перепонки вспухали под напором звукового шквала. Федин еще раз нажал кнопку, и рассерженный бас пошел на спад, все еще сотрясая наши грудные клетки, пронзая бетонные стены и броневые двери.

Мы стояли ошеломленные. Мы слушали живой голос 30-й батареи. Могучий, грозный, хриплый, он прорвался к нам сквозь сорокадвухлетнюю глыбу времени... Кто

Май 1944 г. Салют в честь освобождения Севастополя.

бы мог подумать, что старая сирена еще цела и даже включена в сеть! Растроганный Федин смахнул слезу: «Во голосище! Мертвых поднимет...»

И мертвые поднялись. В главном коридоре замелькали люди в белых матросских робах. Взметенные боевой тревогой, они разбежались по отсекам “подземного линкора”, ныряли в люки снарядных и зарядных погребов, карабкались в подбашенные перегрузочные отделения, бросались в боевые секции — к орудиям, вращали штурвалы наводки, открывали огромные казенники с выбитыми в металле литерами: “Обуховский сталелитейный завод. 1912г.”.

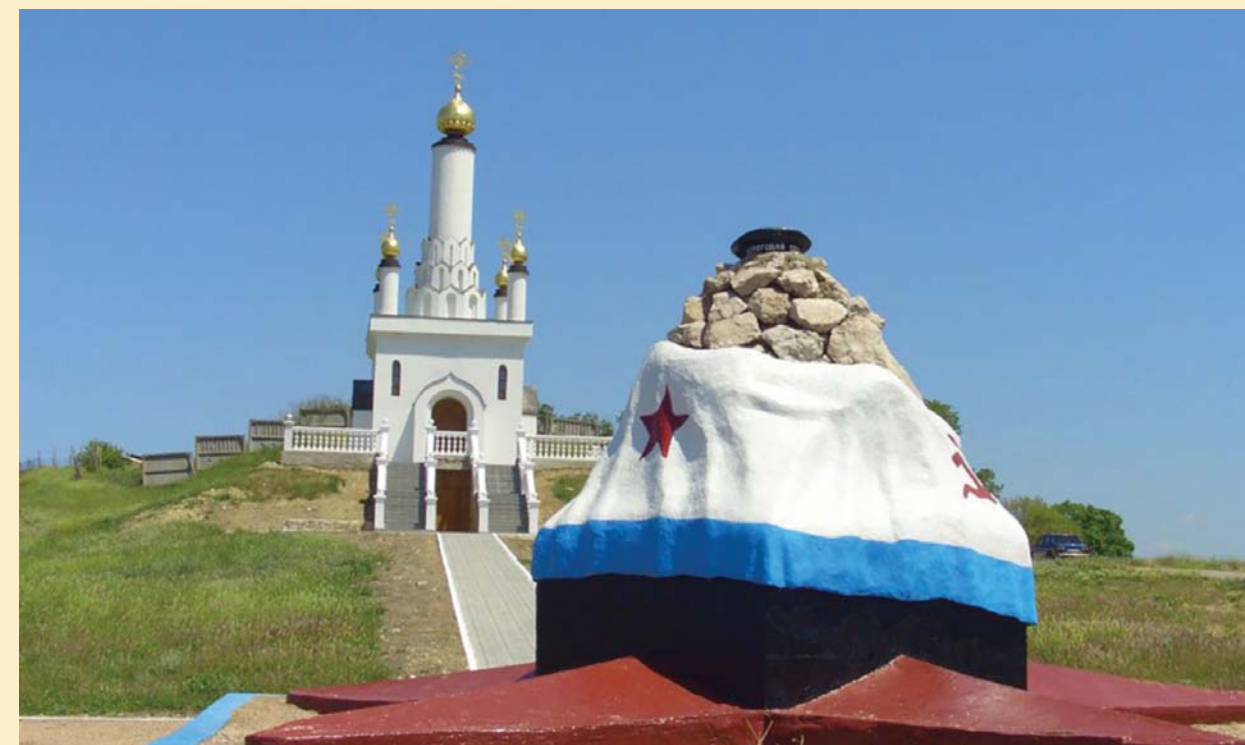
— Полунд-р-а-а! — рычала стихающая сирена...

Но уже трезвонили звонки артиллерийского телеграфа — такого же, как машинный на корабле, только вместо “полный ход”, “малый ход” стрелки указателей перескакивали на сектора “в погреба”, “в башни”. Команды майора Александра — резкого, воительного — телеграфные стрелки отщелкали одну за другой: “Начать подачу боезапаса!”, “Заряд...”, “Взрыватель...”, “Снаряд”...

Клацали магнитные контакты, натужно гудели элеваторы. Гигантский многоярусный механизм вычерпывал из погребов-колодцев смерть, упрятанную в стальные сосуды снарядов... Острый перст стрелки перескакивал от слова к слову: “Цель...” “Зарядить...” “Наводка...” “Прицел...” “Товсь!” Пятнадцатая команда была самой короткой: “Залп!”

Содрогались башни, взметывая огонь и сталь, вздрагивала земля, летело в воздух то, что минуту назад было танками, вагонами, солдатами...

Этот человек — Иван Федин — сидел в железном креслице горизонтального наводчика. Как и все, он изнывал от порохового жара и жгучего солнца, раскалявшего и без того перегретую броню. Как и у всех, кожа вокруг глаз у него стерта — рукав брезентовой робы не батистовый платок, едкий пот не роса. У наводчика же она была до сукровицы стерта еще и резиновым наглазником. Соленая влага туманила линзы, но Федин сноровисто ловил в прицел знакомые ориентиры: крест Владимирского собора, купол Панорамы... В отличие от своих сотоварищей, орудовавших в глухих башнях и погребах, он видел поле боя.

Памятник на могиле воинов 30-й батареи 95-й стрелковой дивизии (скульпторы Л.С. Смерчинский и С.С. Карташев)

Спустя десятилетия увидел и я то, что открывалось Федину в стеклянном окружье. Бывший комендор расстелил на полу своей московской квартирki живописный холст, и я сразу же узнал панораму Любимовки, написанную с высоты батарейного холма. Только море закрывала бурая грива дыма и пыли; только вместо красных крыш и зелени виноградников белели скелеты домов... И карабкались по склонам голорукие автоматчики, и ползли по ложине короткорылые танки. Неопытной кисти плохо удавались фигурки людей. Лучше всего выходило у Федина то, на что насмотрелся он вдоволь, — взрывы. Черно-огненные кусты взметались столь явственно, что казалось, вот-вот ударит в уши раскатистый грохот...

Случайно или намеренно, но самый высокий пламенный взрыв был изображен на том месте, где сейчас стоит обелиск — памятник 30-й батарее.

Севастопольская земля, желтоватая, как тол... Красная бетонная звезда припечатана к ней, словно орден. На звезде пятигранная призма, принакрытая военно-морским флагом в тяжелых бетонных же складках. Венчает памятник груда диких камней, придавленная свинцовой бескозыркой.

Таким задумал этот памятник флотский сержант Евгений Найденов, и таким воздвигли его комсомольцы-черноморцы Севастополя — сержанты Владимир Куприенко, Виктор Лозошук и Александр Епифанов, старший матрос Анатолий Гаевой и матрос Юрий Филиппов.

Они строили, рыли, бетонировали, клали кирпич и камень, выкраивая время за счет субботних кинофильмов и воскресных увольнений в город. С кирпичом и цементом помог директор местного винсовхоза. Дикий камень собрали сами. Сами же выплавляли и свинец для бескозырки — из оплеток старых кабелей, из пуль, которыми начинена здешняя земля. Поздней осенью 1970 года у подножия старого батарейного холма вырос памятник с бескозыркой на вершине. Быть может, кому-то он покажется незамысловатым, простецким... Да разве удивишь Севастополь монументами?! И все же этот, сработанный матросскими руками, особенный...

Летчики занесли его в список наземных ориентиров. Искусствоведы — в архитектурные справочники. А уцелевшие батареи — в свои сердца.

Военный парад в Севастополе 9 мая 2018 г.

... Поезд на Москву уходил пополудни. Я стоял в дверях вагона, как все вокруг вдруг дрогнуло и закачалось в походном ритме солдатского шага — над перроном грянул марш “Прощание славянки”.

Под эту музыку Севастополь провожает поезда каждый день. И поплыли назад роstralные башенки белого вокзала, и покатила состав по самому краю бухты, впри-тирку к докам и кораблям, едва не отдавливая хвосты подводным лодкам, покатила мимо пещер скального монастыря, через тоннели, прокопченные еще военными паровозами. Тьма и теснота тоннелей то и дело сменялись головокружительным простором, открывающимся с горных мостов. В распадках белых скал возникали,

Мемориальная стена с именами Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за освобождение Севастополя, среди которых дмитровчанин Константин Аверьянов.

Крымский мост, соединивший Крым с материковой частью России, был открыт 15 мая 2018 г.

исчезали и снова открывались бухты, корабли, дома, будто машинист давал вдоволь попрощаться с величественным городом. Ведь именно так переводится с греческого “Севастополис”.

Цветут на высокой насыпи маки, те самые, чей алый цвет вобрали в себя знамя Освобождения над куполом Панорамы и знамя Победы над куполом рейхстага. Недаром же точную дату Победы предрекли здесь, на севастопольских бастионах, в день освобождения города — 9 мая 1944 года.

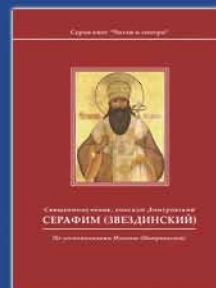
Россиян связывают не только мосты, но и общая история, и человеческие судьбы. Протоиерей Димитрий Скидаленко родился и вырос в Севастополе. Там получил образование, работал на флоте. Там живут его родители. Сейчас он — настоятель храма в Дмитрове. Но в его сердце навсегда — русский город Севастополь.

СЕРИЯ КНИГ «ЧИТАЙ И СМОТРИ»

Книга 1.
Аркадий Зюзин
«Непобежденный»

Книга 2.
«Священномученик
епископ Дмитровский
Серафим (Звездинский)»

Книга 3.
Аркадий Зюзин
«Первые в созвездии СУ»

Книга 4.
Аркадий Зюзин
«На защите Отечества»

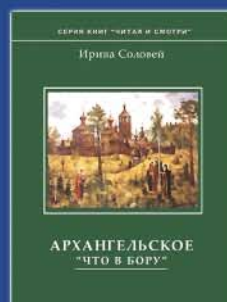
Книга 5.
Лариса Черкашина
«Александр Пушкин.
Тайны древа»

Книга 6.
Аркадий Зюзин
«Притяжению земному вопреки»

Книга 7.
Ирина Пятилетова
«Странствия русского
пилигрима. Святая Земля»

Книга 8.
Ирина Соловей
«Архангельское, «что в бору»

Книга 9.
Николай Черкашин «Легендарный Севастополь»

Рекомендуем посмотреть!

Документальный фильм «Севастополь» (2009 г.)
режиссер А. Мамонтов.

Документальный фильм «Севастополь. Русская Троя» (2015 г.)
режиссеры А. Денисов, Ф. Бондарчук.

Телеканал Россия - 24.

Читай и смотри интернет-версию: kino-slovo.ru

© Образовательный проект «Берега»

Авторы проекта Ирина Дядченко, Юлия Васечко

Литературный редактор Ирина Пятилетова

Корректор Мария Лобанова

Выражаем благодарность спонсорам за поддержку проекта

Москва - 2018

